

*Seasons don't fear the reaper
Nor do the wind, the sun or the rain
We can be like they are
Come on baby...
Don't fear the Reaper*

Ne estas vivo sen morto

*Александр
Ростовский*

Александр РОСТОВСКИЙ

Ne estas vivo sen morto

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ростовский А.

Ne estas vivo sen morto / А. Ростовский — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Что есть жизнь без смерти? Часто ли вы задумываетесь о бесконечном существовании, в котором никогда не будет поставлена финальная точка? Что если в мире есть человек, которому чуждо понятие смерти? Он живет намного дольше, чем любой из нас. Наблюдает за нами. Жизнь каждого из нас, долгая и счастливая, для него — мгновение между жизнью и смертью. Хотели бы вы увидеть их со стороны, оказавшись на его месте? Повлиять на чье-то решение? Загляните в сознание Безмолвного Наблюдателя через притчу Ne estas vivo sen morto и, возможно, вы сможете пересмотреть свои взгляды на жизнь... Аннотация Оксаны Середы, за что ей огромное спасибо.

Ne estas vivo sen morto

*В этом мире больше нечего ловить
(Сплин – Линия жизни)*

Часть I

Последний из бессмертных

Небо темнеет. Где-то там уже появились первые звёзды. Но я их не вижу. Тучи затянули всё. Ещё несколько мгновений, и мир вокруг погружается в непроглядную тьму. Город осветился огнями уличных фонарей. Я вижу его отсюда. Он там, далеко. А здесь, вокруг меня, темнота, едва разгоняемая огоньком наполовину докуренной сигареты. Я втягиваю в себя дым. О да, это приятно. Но не настолько, чтобы гробить этим свою единственную жизнь. В этом я до сих пор не могу понять людей. Их пребывание в мире не вечно, а они ещё и собственноручно укорачивают отпущенный им срок, и это ради какого-то мимолётного удовольствия, которое не оставляет после себя ничего, кроме кратковременного удовлетворения.

Смерть. Вы все смертны. Это неотъемлемая часть вашего существования. Часть, которую вы боитесь больше всего. Человек рождается с мыслью, что когда-то умрёт, хоть и не осознаёт этого поначалу. Эта мысль выжжена у вас под корой головного мозга с самого момента появления на свет. Она заставляет вас что-то делать, заставляет жить. Каждый умрёт рано или поздно – это единственное, в чём вы можете быть уверены.

Я не могу умереть. А соответственно я не живу. В моём существовании нет такого понятия, как жизнь. Я был здесь до вас, и после вас останусь здесь же. Но я последний. Остальные? Они просто ушли. Не знаю куда. Правила вашего мира не устроили их. И они ушли туда, где могут устанавливать свои. Я мог бы последовать за ними. Но здесь мне нравится больше. Нравится следить за вами. Следить за тем, что вы называете вашей жизнью. Вы не видите меня. Я обычный человек в толпе. Идущий вам на встречу по людной улице, стоящий рядом в автобусе или в очереди в супермаркете. И пока кто-то не пустит пулю мне в сердце или не воткнёт нож в горло, вы не поймёте, чем я отличаюсь от вас.

Здесь тихо. Иногда непрерывная людская суета меня утомляет. Тогда я ухожу в места, подобные этому. Периодически неплохо побыть в одиночестве, в окружении своих мыслей. Я чувствую, как несколько снежинок упали мне на лицо. Первый снег.

В тот вечер тоже шёл снег.

Часть II

... хотя бы один день

В тот вечер тоже шёл снег. Он идёт до сих пор. Мир за окном скрылся за непроглядной белой пеленой. Белизна, вот что я вижу, и больше ничего. Только маленькую тёмную фигуру, что стоит через дорогу, прямо под фонарным столбом. Этот человек смотрит на меня, хоть это и кажется невозможным, ведь оттуда меня не способен увидеть человеческий глаз, тем более за этой непроглядной снежной завесой. Белизна похоронила мир под собой.

Здесь тоже всё белое. Стены, пол. С белого потолка из неоновых ламп льётся режущий белый свет. Они гудят. Я слышу это гудение непрерывно, словно оно вгрызается в мою голову.

Я отворачиваюсь от окна и вижу людей в белых халатах, непрерывно шныряющих по палате.

Они не видят меня.

В центре их внимания человек, укрытый белой простынёй, он окружен десятком пищущих мониторов, проводами, трубками, капельницами и ещё кучей медицинских принадлеж-

ностей и техники. Отсюда мне не видно, кто это. Спины копошащихся врачей отгораживают его от меня. Хотя я думаю, что знаю, кто лежит в этой палате. Знаю и как будто должен бояться, нервничать, но я не хочу. Впервые я чувствую такое умиротворение, которое не чувствовал ни разу за эти годы. Эта белизна, она успокаивает меня, вселяет покой. Но что было до неё? Я не помню. Не помню почти ничего.

Сколько времени прошло? Не знаю. Оно словно нарушило свой привычный ход. То ускользается, проносясь молнией, то замедляется в тысячу раз. А я всё ещё стою перед окном, спиной к белизне, что снаружи плавно угасает в тёмных цветах зимних сумерек.

Врачи давно разошлись. В палате воцарилась тишина, нарушаемая лишь сигналами монитора и шумом аппарата искусственного дыхания. Здесь только мы. Я и этот человек на больничной койке. Он не шевелится. Не пошевелился ни разу за всё это время. Но жив. Пока ещё жив. Я сделал шаг к нему. Чувствую, что даже пространство, и оно исказилось. Воздух будто загустел. Словно я нахожусь под водой и не иду, а плыву, не встречая сопротивления.

Добравшись до койки, окруженной медицинской аппаратурой, я взглянул в лицо пациента. И был прав. Память мгновенно вернулась ко мне. Тот вечер. Снег. Много снега. Полтора месяца зимы обошлись без него. А затем небо разверзлось и засыпало множество гордов белой однородной массой. Дороги остались лишь на картах и в памяти людей, что каждый день по ним ходили и ездили. Множество часов минуло, но очередной каприз природы не прекращался. Уже совсем стемнело, а снегоуборочная техника продолжала изо всех сил бороться с последствиями. Но, даже вооружившись огромными металлическими машинами, люди не могли ничего противопоставить обычному природному явлению.

Мой путь домой. Я просто хотел попасть домой. Но пересечь город от одного конца до другого, пробившись сквозь белоснежную, холодную бурю, казалось невозможным. Тогда я этим пренебрёг. Пренебрёг и водитель такси, который без уговоров согласился доставить меня домой за определенную доплату, связанную с неблагоприятными погодными условиями. Путь казался бесконечным. Все автомобили плелись медленнее вяло падающих с неба снежинок. Мы выехали на трассу, дабы обогнуть город, этот путь казался более выгодным в данной ситуации. К тому времени совсем стемнело, а снегопад вновь набрал силу. Совершенно слепой чувствовал бы себя в такой обстановке так же уверенно, как и водитель. Лишь дальний свет встречных автомобилей напоминал, что мы на этой дороге не одни, и что мы вообще на дороге, а не посреди ничего. Не знаю, близко мы были или не очень, даже ощущение времени притупилось в этом стихийном хаосе, но добраться до дома мне в этот вечер было не суждено, а таксисту было не суждено получить оплату за свой труд.

Автомобиль занесло. Помню, как водитель выругался, со всей силы выкручивая руль. Нас повернуло на девяносто градусов и почти полностью вынесло на встречную полосу. Я сильно приложился головой к боковому стеклу, на заднем сиденье. А потом, будто бы из неоткуда, появился грузовик, ослепив меня светом фар. Этот яркий свет – последнее, что я помню. Не помню удара, с которым он влетел в тот самый бок, с которого находился я. Не помню, сколько он ещё протащил нас по дороге, прежде чем остановился. Не помню даже гудка его клаксона.

И вот я здесь. Смотрю на себя самого сверху вниз. На лице столько ссадин и ушибов, что я с трудом узнаю в нём того человека, которого каждый день видел в зеркале. В общем то, я и тогда был уродом, а сейчас и вовсе похож на изувеченного мертвеца, хотя на деле то меня и не так сильно приложило. «Может, теперь всё закончится», – пронеслось у меня в голове. Неплохо бы. Хотя я и не знал, что меня ждёт дальше.

– Твои мысли заставляют меня скорбеть...

Я обернулся посмотреть, кто говорит. Я не заметил, как этот человек вошел в палату.

– ... но я не ощущаю скорби в тебе.

К кому он обращается? До этого люди не видели меня, не могли видеть.

– Твоя печаль ушла. Вместе с жизнью. Остались только, хм... недоумение, замешательство. Но я по-прежнему не ощущаю твоего покоя. Он столь поверхностный, под ним ощущается гнев и недовольство.

Человек смотрел прямо на меня. Не на того покалеченного, еле живого меня, что лежал на больничной койке, а на того меня, что стоял и смотрел на него. Он был высок. Одет в белое, но не врач. На нём был белый пиджак, белые брюки. И его глаза... Они словно излучали белый свет, как лампы под потолком. Но этот свет был такой теплый и убаюкивающий. Я никогда не видел таких глаз среди людей.

– Я не человек. – Ответил он. В его голосе звучал столь необъяснимый ласковый тон, будто голос любящего отца, читающего сказку своему ребёнку перед сном.

Он сделал несколько шагов навстречу ко мне. Но я не услышал звука удара его подошв о белый кафель на полу.

– Но кто вы тогда? – Спросил я. Это было странно – слышать свой голос, но не чувствовать вибрации собственных голосовых связок. Будто бы этот звук выходит прямо из головы по воле моей мысли.

– Ты никогда не видел меня. Но всю твою жизнь я провёл рядом с тобой. Ближе, чем кто либо. – На его лице появилась лёгкая улыбка. – Я Ангел, мальчик мой. Твой Ангел-хранитель.

На следующие несколько мгновений вокруг воцарилась тишина. Он сказал всё что хотел. Он знал, что именно я хотел спросить. Но ждал, пока вопрос не выйдет из моих уст:

– Если ты мой Ангел-хранитель, то почему я здесь?

Улыбка с его лица пропала. Он подошёл, встал рядом со мной и опустил свой взгляд на израненное тело, что некогда принадлежало мне.

– Каждому отписан свой срок. Рано или поздно наступает момент, когда подобные мне должны сложить свои обязанности. – Теперь он перевёл взгляд на меня, стоящего рядом. – Остаётся лишь одно, последнее дело – сопроводить своего подопечного на другую сторону.

– Значит... – я вернулся обратно к окну, где обнаружил себя, после столкновения, – ... это конец, да?

Он не ответил. Лишь улыбнулся. Посмотрел на меня своим чистым взглядом, но по нему нельзя было определить, скрывает ли он что-либо.

– На другую сторону. – Повторил я его слова.

Тут гнев, что теплился внутри меня с самого начала, что скрывался за занавесом покоя, дал о себе знать. Ощущение давящей несправедливости заставило выплеснуть меня всё, что я столь усиленно скрывал от мира в последние годы.

– Если это конец, то почему я здесь один? Почему в этой грёбанной палате лежит лишь моё умирающее тело?! – Я почувствовал, как мой дрожащий голос срывается на крик. – Неужели всем, кто был так дорог мне, действительно наплевать?!

Ангел помолчал, подождал, пока я успокоюсь. Хотя успокоиться я не мог. Ярость распирала меня, но какой бы смысл выливать её в слова?

– К сожалению, я не могу ответить тебе на эти вопросы. – Ответил он, выдержав короткую паузу. – Но, возможно, ты найдёшь ответы, заглянув в себя.

– Да, я знаю. – Теперь мой голос звучал спокойно и ровно. – Сколько раз я туда заглядывал... Они ни в чём не виноваты. Это лишь моя вина. Я сам отвернул от себя всех, пытаясь изменить собственную жизнь к лучшему. Долбанный эгоизм. Хотя сам то всегда считал, что живу для других.

– Не надо винить себя. Ведь ты хотел сделать как лучше. Не только для себя, но и для тех, кто тебе небезразличен.

– Какая разница, чего я хотел. Имеют значения лишь результаты, к которым я пришел, и они совсем неутешительны.

Замолчав, я отвернулся к окну. Того, что снаружи, я не увидел. Я не увидел даже своего отражения в стекле. Я смотрел в бесконечную тьму. Вот оно – моё будущее. Всю жизнь я смотрел в эту тьму. Пытался разглядеть там что-то, хотя бы единый луч света. Но как показали последние события, всё было напрасно. Теперь стою здесь и изливаю душу перед тем, в кого никогда не верил. При жизни я боялся открыться другим. Может хотя бы после смерти не поздно?

– И всё равно, я надеялся. До конца надеялся, что я нужен кому-то из них. Что не все мои хорошие поступки забыты. Они ведь были хорошими, правда?

– Уже достаточно того, что хорошими были побуждения к ним.

– Да, ты же видел. Ты был рядом всю мою жизнь и видел всё. Согласен ли ты, что она была несправедлива?

– Ты ждёшь ответов от меня на слишком многое. Ответов, которые искал все эти годы. Но ты ошибаешься, я не тот, кто видит всё и всё знает.

– Ты прав. Извини. Твоя задача лишь оберегать меня от бед, до назначенного часа. Так же я ошибался, думая, что другие люди могут дать мне ответы. Но откуда им было знать? Они ведь такие же, как я.

Воцарилось молчание. Я погрузился в свои мысли и воспоминания. Он смиренно ждал. Казалось, прошла пара десятков минут. А может, прошли ни одни сутки. Вне телесной сущности время воспринимается иначе, всё воспринимается иначе. Я не слышал, просто не обращал внимания, как несколько раз в палате хлопнула дверь. Несколько раз заходила медсестра, проверяла оборудование, уносила и приносила капельницы. Пару раз заглядывал доктор, сверял показатели на мониторах, что-то записывал в медицинскую карту. Вряд ли кроме них был кто-то ещё. А я вновь смотрел в непроглядную тьму за окном.

– Время близится. – Услышал я голос. – Хватит тратить последние часы, жалея себя. Этим ты ничего не изменишь. Но у тебя есть ещё шанс сделать нечто доброе перед тем, как уйти.

– О чём ты? – Я отошёл от окна и взглянул на своего Хранителя.

– Идём, я покажу тебе.

Он вышел за дверь. Только что я понял, что за это время не покидал эту палату, будто боялся оставить без присмотра себя, еле дышащего при помощи дыхательного аппарата. Я двинулся вперёд, перешагнув порог и оказался в тёмном коридоре. Мой единственный собеседник уже находился на другом конце. По пути мне попалось что-то вроде зала ожидания для посетителей. Проходя мимо, я почувствовал, что где-то там есть некто. Некто смотрящий. Но в зале никого не было. Войдя внутрь, до меня дошла странная и несколько пугающая мысль, что этот некто находится за большим окном, выходящим на автостоянку. Там внизу, в свете уличных фонарей, стоял человек в чёрном пальто. Он подкуривал сигарету. Потом, убрав зажигалку в карман, он поднял глаза прямо на меня. Он видел. И казалось, будто не только видел, но и слышал всё, о чём мы говорили ранее. Мой личный Ангел совершенно бесшумно возник за моей спиной.

– Кто он? – Спросил я.

– Один из Изгоев. – Короткая пауза. – Последний.

Человек выдохнул дым, развернулся и через пару шагов исчез в темноте. Мне показалось, что перед тем как уйти, он подмигнул мне.

– Идём, – сказал Хранитель, – у нас не так много времени.

Спустя пару минут мы оказались в противоположном крыле больницы, перед закрытой дверью палаты, такой же, как моя. Когда дверь открылась, нас встретил другой Ангел. Я сразу понял, кто он. Не только по белым одеждам. С моим они были похожи, словно кровные братья. Лишь мелкие незначительные черты лица отличали их друг от друга.

– Проходите. – Сказал встретивший нас. – Мы ожидали.

В этой палате свет был выключен. Только светящиеся мониторы разгоняли темноту. Помимо Ангела тут присутствовали ещё двое. На больничной койке парень, примерно моего возраста. Не знаю, что с ним произошло, но досталось ему крепко. Едва ли не сильнее, чем мне. Но его дух так же, как и я, здесь не присутствовал. Рядом с койкой, в кресле, сидела молодая девушка с русыми вьющимися волосами. Она спала, откинув голову на спинку кресла. Её рука крепко сжимала руку парня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.